

ЕЛЕНА АБЬЯНОВА

Леонид Федоров довел публику в «Доме» до религиозного экстаза.

НОВЫЕ ИЗВЕСТИЯ, - 2005. - 14 ФЕВРАЛЯ. - С. 5

Моцарт после Сальери

Владимир Мартынов пять вечеров «зажигал» Москву

Михаил Поздняев

На прошлой неделе композитор **Владимир Мартынов**, гурӯ меломанов-интеллектуалов, установил рекорд, достойный книги Гиннеса: пять вечеров показывал в Москве премьеры своих свежих сочинений. В понедельник в Большом зале консерватории был сыгран концерт для фортепиано с оркестром «Танцы с умершим другом», а со среды до субботы в Центре «Дом» проходил уже четвертый по счету фестиваль творчества Мартынова.

Случайный прохожий, зайдя в любой из вечеров в «Дом», принял бы происшедшее там за провокацию. И был бы недалек от истины. Мартынов – интеллектуальный провокатор похлеще Кулика с Сорокиным. Те все-таки работают в реальном культурном контексте, а Мартынов создает свои контексты сам и всегда безошибочно. Сказывается и опыт исследователя фольклора в дальних этнографических экспедициях, и изучение религиозных традиций Запада и Востока, и преподавание древнерусского пения в Троице-Сергиевой лавре с параллельной службой регентом церковного хора... А наряду с этим – работа в начале 70-х в экспериментальной студии электронной музыки, игра на флейте в ансамбле барочной музыки, создание рок-группы «Форпост», написание саунд-треков к полусотне фильмов, сотрудничество с Юрием Любимовым и Анатолием Васильевым... И вот этот музыкант-энциклопедист, знающий все о

предмете, которым занят с детства, пишет пару лет назад книгу с провокационным названием «Конец времени композиторов». Больше того, на практике доказывает, что это время действительно кончилось. Однако и теория, и практика не призывают коллег захлопнуть крышку рояля и медленно ползти в сторону ближайшего погоста.

Напротив. «У Кафки есть рассказ «Отчет для академии», – рассказал композитор обозревателю «НИ». – Рассказ про то, как обезьяна превратилась в человека, потому что у нее не было другого выхода. Самое ужасное для нас – продолжать делать какие-то вещи, не замечая, что их уже невозможно делать. Если мы поймем, что в нашем положении тратить столько сил на вещи, бывшие первостепенными в прошлом веке, – шизофрения, с этого для нас, быть может, начнется реальная история, а не иллюзорная».

Нынешний фестиваль в «Доме» был озаглавлен «Интерьер после оргии». Заглавие это, как пояснил публике маэстро, восходит к анекдоту, в котором дама во время оргии, обращаясь к партнеру, интересуется, чем он будет заниматься после того, как все это кончится. Ведь чем-нибудь да он будет заниматься! Эта идея стала лейтмотивом фестиваля, начавшегося с декламации Владимиром Мартыновым в сопровождении ансамбля Татьяны Гринденко Opus posth тезисов из диссертации Чернышевского «Эстетические отношения искусства к действительности». Постукивая, как людоед костями, двумя чурочками и выкрикивая: «Прекрасное есть жизнь!», Мартынов по-набоковски обнажил идиотизм текста заодно с его творцом. Точную рифму к Н.Г. Чернышевскому создал Дмитрий Пригов, озвучив-

ший при поддержке Opus posth свое «Сравнение по подобию, равенству и контрасту».

Во второй вечер прозвучали «Времена года», где фрагменты сочинений Вивальди, Баха, Мендельсона и Пярта перемежались остроумными «репликами» Мартынова. До температуры кипения довели атмосферу в «Доме» гости фестиваля контрабасист Владимир Волков и отец-основатель группы «Аукцыон» Леонид Федоров. Сначала гость Волков в течение 20 минут, по выражению хозяина, «раскрывал чакры контрабаса», а потом с ним в дуэте гость Федоров спел несколько своих убойных песен, завершив созданным вместе с Мартыновым опусом «Бен Ладен и Франциск Ассизский». Сочинение это в прошлом году было проанонсировано, но не показано в силу скандальности имени первого из героев. Неизвестно, когда и где оно теперь прозвучит снова. И в этой связи думаешь о том, что за четыре вечера Мартынов и его друзья достигли эффекта, о котором композитор мечтает, страдая публику концом времен. Все совпало. И выбранное для показа музыки место, и исполнители, и публика, впавшая в заключительный вечер в настоящий транс и после окончания не то импровизации, не то математически точно выверенной пьесы в исполнении автора не желавшая встать с мест. Сальери, в начале композиции «разъявший музыку, как труп» на примитивные детали, бесконечно варьируя их, превратился к финалу в парящего в космосе Моцарта.

Казалось, этому чуду не будет, не может быть конца. И тогда Мартынов, поклонившись, направился к стойке бара, дав понять, что все-таки когда-то наступает конец. И в этом нет ничего трагического.